

ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ

КОРЕНЬ
«SUOMI»

Игорь Федорович Масленников

Корень «Suomi»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48687290

Корень «Suomi» / Масленников, И. Ф.: Троицкий мост; Санкт-

Петербург; 2019

ISBN 78-5-6043481-1-6

Аннотация

Автор иронической киноповести «Корень „Suomi“» – известный кинорежиссёр, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Игорь Масленников просит читателя не искать какие-нибудь параллели и не пытаться сравнивать фантастические события на этих страницах и рисунках с нашей реальной жизнью. Он предлагает задуматься над судьбой России и народов, её населяющих, оценить её прошлое и культуру, познакомиться с иными историческими фактами, сказками, мифами и легендами, заглянуть в наше будущее.

Игорь Масленников

Корень «Suomi»

Памяти Инны Лепик.

...Прежде чем начать эту правдивую историю о таком феноменальном случае в мировой истории, как рождение единого народа, который сегодня населяет необъятные на зависть всему миру просторы России, следует предупредить о следующем:

– Если кто-нибудь вам скажет, что яблоки иногда растут на дубе, поинтересуйтесь у какого-нибудь юного ботаника, например, из города Мичуринска, и вы убедитесь, что так бывает...

– Когда поморская северная девушка признается, что ждёт ребёнка от лесной ягодки бруснички, вскоре после родов вы убедитесь, что так оно и было...

– Если лопарь Нильс Утси угощает вас вонючей тухлой салакой из консервной вздувшейся банки, ешьте смело – это вкусно...

– Даже если вы не верите, что в Антарктиде живут крионы, у которых вместо крови течёт антифриз, тем не менее, не гуляйте там в одиночку...

– Если кто-нибудь вам скажет, что американцы побывали на Луне ещё в прошлом веке, взгляните повнимательнее в

это небесное тело – где следы?.. Слабо ещё раз?

– А когда кто-нибудь предупредит: «Не стой под водопадом – там черти!» Так и не стойте!..

Угрюмые люди вам растолкуют, что всё это фейки для подростков, выдумки для незрелого ума, фотомонтажи, двойные экспозиции неисправных фотоаппаратов в виде каких-то «полтергейстов», уход от Бога в фантазии и мистификации древних диких времён и племён.

Не слушайте угрюмых! Они сами – уход от нашей жизни, от воздуха, воды, от земли, от Солнца.

Уж лучше быть легкомысленным, но честным, хитрым, но не для себя, легковерным, но самому держать слово.

Жизнь нынче быстротекуща, чересчур смышлёная, цепкая, беготливая...

Вряд ли кто-нибудь из молодых читателей, кому в руки попадёт эта книжка, дочитает её до конца. В лучшем случае посмотрит картинку или заглянет на последнюю пару страниц...

Поэтому юным читателям – кому недосуг – предлагается игра «Кто мы?»

Американец! Какой он национальности?..

А китаец?.. Какому народу принадлежит индеец? Или латинос? Каким словом объединить все наши народы, рождённые в России?

Раньше было слово «советский», а теперь?

Русский
Россиянин
Русик или русак
Русман
Евразиец или евраз
Сибирус...
Москаль...
Совок...

А ваши предложения? Уж не «рашен» ли? Или останемся теми, какими нас мать родила?

Так ведь бывает: иногда смотришь на человека, думаешь и определяешь: «наш или не наш»? Даже паспорт не нужен.

Давайте все вместе будем говорить: НАШ человек, НАШИ люди, НАШИ народы, НАША страна, НАША история...

Ну а теперь к сути дела – кроме шуток...

* * *

...Он проснулся среди ночи.

Почему? – он не мог взять в толк... За окном было светло. Но ему – жителю северной столицы такая ночь была привычна. Светло-дымчатое серебристое рассветное небо – словно бы – утро. Но это не утро, это глубокая ночь!

Что же его разбудило?

Запах подгоревшей баранины с чесноком?

Похоже на правду. Там, за стеной, во второй комнате избушки, где он обитал в Доме творчества композиторов в дачном посёлке Комарово, остановилась музыковед-фольклористка Динара Тургенова, по слухам – из Улан-Удэ.

Остатки вчерашнего плова, которым она угощала своих гостей из Петербурга, явно не давали ей покоя.

Нет, дело было не в плове. Дело – или в геральдике, или в топонимике!.. Почему?

...От столетней давности прадеда Василия Павловича – мастера Путиловского завода ему достался наполовину уже заполненный предком ещё до революции старинный альбом для почтовых марок – роскошное иллюстрированное издание, куда оставалось только клеивать марки из разных концов мира. Так он осваивал географию Земли.

Почтовые марки привели его к геральдике – так познавалась история человечества – от египетской древности до советской символики. С геральдикой, гербоведением и эмблематикой, со знаками и монограммами мы в этой книжке ещё успеем познакомиться.

На той неделе он приобрёл по случаю у букиниста «Титулярник» Петра Первого, но оставил его в городе и теперь скучал по этой книге.

Но причиной бессонницы было что-то другое.

...После школы его отец художник-график Алексей Васильевич советовал ему поступить в Академию художеств на

архитектурный, но он струсил – не пошёл туда, боялся вступительного экзамена по рисунку. Но и просьбу отца выполнил – стал студентом Инженерно-строительного института. Правда, по окончании ЛИСИ ни дач, ни домов, ни дворцов он не строил, а занимался теорией градостроения, экономикой и планировкой среды обитания, был членом городской Топонимической комиссии...

Вот причина!

После заседания этого ристалища ему и не спалось.

Там решалось, как назвать новую улицу на месте старого переулка. То ли именем известного тренера по смешанным единоборствам, то ли просто «Облепиховой улицей». Он голосовал за второе название. И не потому, что место всё утопало в облепихе, а потому, что первый дом, с которого начинался этот переулок в середине девятнадцатого века, был построен купцом Облепихиным... Он всегда с почтением, даже ревностно относился к отечественной недооценённой истории...

Победило, конечно, имя тренера то ли по единоборствам, то ли по карате или гандболу.

...Вот ему и не спалось. Он лежит сейчас в посёлке Комарово... Или имени какого-то, может быть, даже очень заслуженного «товарища Комарова»? Хотя на самом деле это место столетиями называлось Келломяки.

Почему, например, вдруг «Репино», а не столетняя «Куоккала»?

Ну, хорошо!.. Здесь долго жил художник Репин Илья Ефимович. Каких только гостей не принимал в своей уютной усадьбе великий старец! Весёлый литератор тех времён Корней Чуковский даже посвятил этому намоленному месту альбом «Чукоккала»... Репино так Репино!

Но почему «Зеленогорск», а не «Терийоки»? Убогая фантазия топонимических реформаторов наплодила по всей стране бесконечное количество всего «зелёного»: Зелнодольски, Зеленограды, Зеленореченски, Зеленогоры, Зеленоозерски... Почему «Приозерск», а не пятисотлетний «Кексгольм», как называл его ещё сам царь Пётр?.. И опять: Приреченск, Прилуцк, Приморск, при... при... при...

Почему «Советск», а не «Тильзит», упомянутый во всех учебниках истории, место исторической встречи 1812 года императоров – Наполеона и Александра?

Почему древний Кёнигсберг – философское гнездо Эммануила Канта, стал Калининградом по имени незамысловатого советского «старосты», слесаря из Твери? И таких «калинин-градов» по нашей необъятной стране раскидано уже несколько.

Хорошо хоть Выборг пощадили, не назвали его каким-нибудь Бонч-Бруевичем.

Да, его разбудили мысли о нашей малограмотной или бесчувственной памяти, не помнящей родства и доброго соседства. И ведь даже «политикой» это не назовёшь.

...Или его разбудил Юсси? Вот он стоит у двери, друг ситный, славный голубоглазый пёс хаски, так и не ставший вожаком полярной упряжки. Чует баранину в соседней комнате...

Его финно-угорская кличка Юсси возникла случайно. Собаковод, у которого был куплен этот славный щенок, был футбольный фанат и всех новорожденных он оформлял в собачьих документах под именами футбольных клубов – «Арсенал», «Челси», «Спартак», «Зенит»... Этому хаски досталось имя «Ювентус»...

...Хозяина собаки разбудил тихий стук в дверь, за которой стоял давний приятель, устроивший ему путёвку в этот Дом творчества – композитор Серёжа Форозин – додекафонист, адепт, поклонник и ярый подражатель австрийского модерниста Арнольда Шёнберга. Их атональную музыку могут с пониманием слушать только сами профессиональные музыканты. Наверное, она очень сложна и хороша, но для простого смертного непостижима. Про музыку Чайковского, например, Серёжа говорит: «лживо, скучно и слащаво». Ну-ну...

Наверное, легче было попасть в Дом творчества архитекторов – всего-то в паре километров отсюда по Приморскому шоссе, но туда не хотелось – много пьют...

Он был старше Сергея на двенадцать лет. Сблизились они давно в шахматном клубе – его как архитектора тянуло к шахматной доске пространственное мышление, Сергея – музыка. Ноты, как известно, со счётом и комбинаторикой – близнецы-братья...

Да, в двери стоял Серёжа с напряжённым, трагическим лицом.

– Зодчий, вставай! Ты нужен...

Пришлось встать.

Кроме разницы в возрасте друзей разделяла их внешность – композитор худ, костляв, бледнощёк, голубоглаз и узколиц. Льняные прямые волосы то и дело спадали на лоб. Ещё в школе его кличка была Седой. Приходилось этому блондину время от времени трясти русой своей головой – пряменькие волосики не вились в кудри.

Архитектор противоположного склада – плотен, широк в кости (то, что называется «из простых»), курнос, курчавый шатен, под носом – небольшие «ворошиловские» усы «шеvron», зеленовато-карие глаза... Кряхтя, он начал напяливать треники:

– Какая-то корявая у тебя фамилия – Форозин... Как модель какой-нибудь немецкой машины.

– А Фонвизин тебе нравится?

– Господин комедиограф был Фон-Визен. Это понятно... Значит ты должен быть Фонрозин...

– Лечись! – потомок известного декабриста и каторжани-

на фон Розена был благодущен. – Ты чокнулся на своей то-
понимике.

– В этом ты прав, друг мой!

– Ясно?.. И звали моего прадеда, между прочим, Андреем
Евгеньевичем. И розы украшали его (или наш) фамильный
герб фон Розенов. Это я тебе говорю как геральдисту!

– Вот я и говорю: пруссак!

– Нет! Русак...

– А какой национальности, например, американец? – за-
дал вдруг ехидный вопрос архитектор.

– Никакой! – отрезал композитор. – Он янки...

– А советский человек какой был национальности?

– Никакой! – рассердился Сергей. – Наш!

– Вот и Кюхельбекер, Литке, Беллинсгаузен, Дельвиг,
Крузенштерн, Николаи, Врангель, Врубель, Каппель, Литке
тоже были нашими русскими дворянами... Да тот же быв-
ший хозяин здешних земель генерал русской императорской
армии, маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм...

– Вот к нему-то мы и должны немедленно ехать! – реши-
тельно закончил разговор Серёжа.

Фамильный герб «Фон Розен»

Юсси поддержал его громким лаем...

Зодчий приступил к утреннему туалету, включил электробритву.

...– А может быть ты, Серёга, Розинг? С буквой «Г» в конце... Был такой профессор в петербургской «Техноложке» до революции. Он со своим учеником Зворыкиным (колчаковским связистом, а потом американцем) придумал теперешнее телевидение... Ты не Розинг?

– Нет, я не из профессоров, я из «баронов»...

– «Ты цыганский барон... У тебя много жён...» – усмехнувшись в усы, запел архитектор.

– Да-а-а!.. Хороший косолапый прошёлся по твоим слуховым аппаратам, врезал тебе как следует по ушам...

Засмеялся и как в воду глядел! В этой книжке впереди вас ждут и цыгане, и медведи, и слуховые аппараты, и...

Нет, не будем забегать вперёд!

На самом деле, если и был Сергей Форозин из баронов, то, как он сам иногда шутил – «из баранов», которых советская эпоха подстригла основательно. Не помогало даже то, что прадед был декабрист и каторжанин.

Когда он появился на свет в «Снегирёвской больнице» города Ленинграда, началась великая, знаменитая перестройка не к ночи будь помянутого господина М. Горбачёва (Горби).

Стояние вместе с мамой Клавдией Васильевной в очередях за талонами на водку (ценилось, как валюта), разглядывание в пустых стеклянных витринах картонных муляжей колбас, сыров и банок с камчатским крабом «Чатка» – это яркие впечатления раннего детства.

Школа пролетела незаметно, вуз был выбран по принципу – куда легче попасть. Это оказался Институт пищевой и холодильной промышленности (в просторечии – «Морозильник»). Ни шатко ни валко парень институт окончил.

Их соседи с блокадных времён по коммунальной квартире купили собственное кооперативное жильё...

Бабушка Сергея на всю жизнь запомнила, как в те годы почти девчонкой, выйдя замуж за «барона» Форозина и про-

водив его на фронт, слушала издевательские тычки этих соседей: «Ну что, немцы, Гитлера ждёте?»

Эти тягостные соседи съехали в эпоху перестройки, оставив в общем коридоре тяжёлое, ненужное им пианино с треснувшей ещё в блокаду декой – «Оффенбахер», и мелкой бронзовой табличкой – «Хоффлиферант» (как потом узнал Сергей, изучая немецкий, означало – «поставщик двора»).

Мальчик прикоснулся в коридоре к клавиатуре... И вдруг выяснилось, что «ребёнок» (уже в 17 лет) поразительно музыкален. Далее – сначала ДК «Ленсовета» – студия с хорошими педагогами... Поэтому и благодаря им состоялось поступление в консерваторию.

Наступили времена постмодернизма – а это очень заразная болезнь... Можно сказать, чума!.. Молодой музыкант всё с той же школьной кличкой Седой прошёл через все ансамбли, квартеты, электронные эксперименты, был даже барабанщиком КВН на телевидении и в ночных заведениях...

Вот и вся биография Сергея Германовича Форозина...

Его родители – «бароны» преклонных лет живут всё в той же бывшей коммуналке на улице Чайковского, но не композитора, а какого-то революционера или террориста...

Серёжа холост, и его старшая сестра пенсионного возраста Маша – тоже «старая дева». Она работает швей-реставратором в Этнографическом музее, лихо ездит на их семейном «Ниссане-Ноуте», скромно, но стабильно зарабатывает. Плюс ветеранская пенсия отца, плюс социальная пенсия ма-

мы-блокадницы, плюс безналоговая (для пенсионеров) трёхкомнатная квартира...

Пианино-инвалид «Оффенбахер» было отправлено в комиссионку, его место занял кабинетный рояль «Стенвей» из той же комиссионки... Всё для младшенького в семье!

Это позволяло Седому нигде не работать, сочинять от души постмодерновую музыку, стать членом Союза композиторов и регулярно жить в домах творчества то в Рузе под Москвой, то в Комарове под Петербургом, то в Сортавале в Карелии...

* * *

– Вы куда, мальчики? – в двери двухкомнатной дачки Дома композиторов появилась жующая соседка, красавица-бурятка Динара. Гейша – да и только!

– В Сортавалу! – отмахнулся от неё Сергей.

– Это где?.. Я с вами...

– Берём?

– Так и быть...

Долгая учёба в Московской консерватории, столичная еда и питьё, музыковедческие изыскания, фольклорные поездки по миру, стрижка каре чёрных блестящих волос и макияж смягчили у этой монголоидной девушки восточную раскосость, скулы, сделали её похожей то ли на японскую изящную гейшу, то ли на китайскую «куню» с бамбуковых кар-

тин-рулонов цветной тушью.

...Когда они подходили к машине – зелёному внедорожнику, композитор ткнул пальцем в эмблему на капоте:

– Иван мне сказал сегодня, что я немецкий автомобиль... А он – корейский – «КИА»!.. Крылов Иван Андреевич – всем известны его басни и его аппетит (чугунок... да какой там «чугунок» – целая макитра стерляжьей ухи с расстегаем в пол-аршина), – сообщил он фольклористке Динаре.

– А я не Андреич, я – Алексеич...

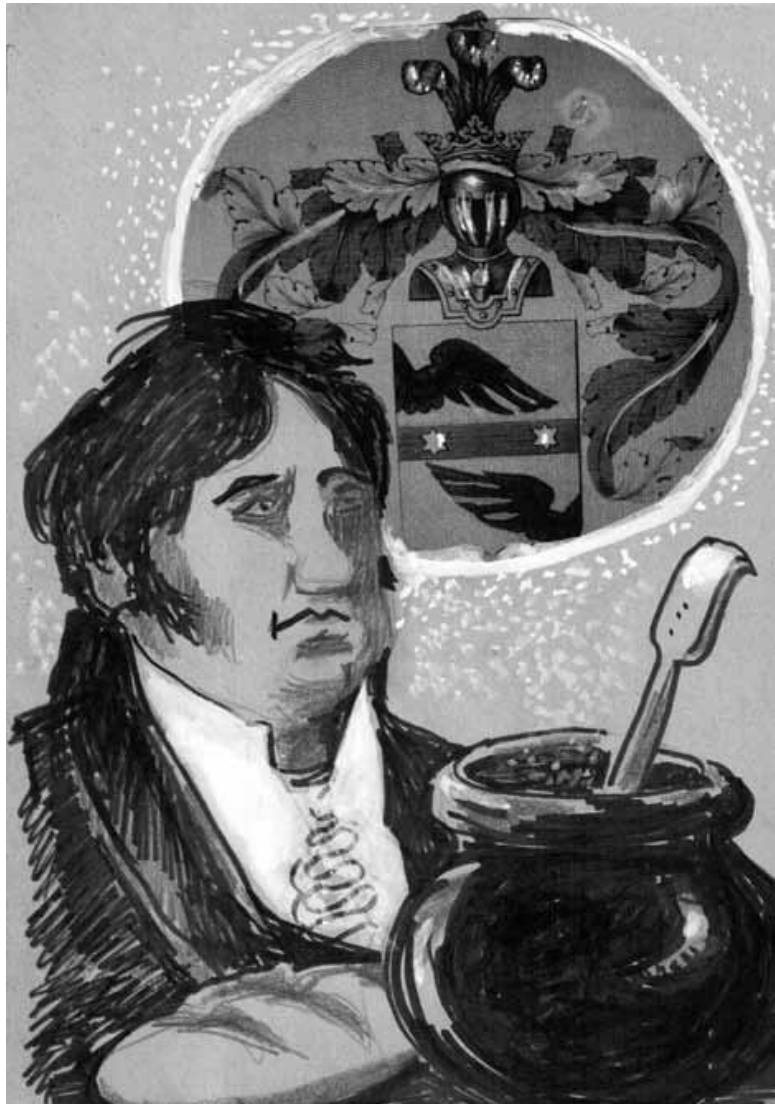
– За двести лет наш Андреич стал Алексеичем. Басен уже не пишет, но подумывает о бессмертии (читатель, возьмите это на заметку), тоже энциклопедист, человек неисчерпаемых знаний, всё про всех знает – типа справочного бюро...

Вот теперь по чистой случайности вы узнали, наконец, как зовут героя нашего повествования.

Иван Алексеевич Крылов, кандидат технических наук, приват-доцент архитектурного факультета Академии художеств, то есть – вольноопределяющийся, или по-современному, по-нашему, внештатник, холост...

– Мы, Крыловы, плохо размножаемся... – так он шутит.

– Литературно-музыкальный клуб на колёсах «Зелёный „КИА“», – объявил Сергей.

Фамильный герб «Крыловы»

«Баснописец» сидел за рулём... Его собака хаски по кличке Юсси послушно и привычно улеглась в багажном отделении кроссовера. Композитор-модернист весело разглагольствовал, обращаясь к сидящей рядом миловидной девушке-музыковеду:

– Динара!.. Почему ты Тургенева? Где твои стихи в прозе?.. Знакома ли ты с Полиной Виардо?.. Часто ли бываешь в Париже?

– Я – Тургенова... – она терпеливо начала объяснять. – Потому что по-монгольски «тургэн» значит «быстрый». А наша семья вся шустрая, вот и получилась у нас – Тургеневы.

– По-бурятски или по-монгольски, или по-китайски?

– По-русски... Я ещё и, к вашему сведению, господин барон, немножко русская, и калмычка, и даже тывянка.

– «...и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус и друг степей калмык!»... «Да, скифы мы...» И Тургенев, что ли, был бурят?

– Наверняка... – засмеялась Динара.

Иван Крылов, как спец по топонимике, добавил:

– Запиши в свой клуб ещё таких же «диких тунгусов» – Карамзин, Булгаков, Тютчев, Чаадаев, Татищев, Куприн, Сейфулина, Ахмадулина, Аксаков... Ещё?

– Рахманинов, Танеев, Скрябин... – сказала «гейша» с берегов Байкала.

– Нет, мы сейчас собираем литературный клуб... Композиторов придётся, я очень боюсь, вспоминать в таинственной Сортавале...

...Дорога из Комарова (Келломайки) в карельскую Сортавалу не близкая. Сначала – Приморское шоссе, сквозь Зеленогорск (Терийоки) по перемычке через трассу «Скандинавия», далее магистраль «Кола» – Приозерск, Петрозаводск, Печенга, Мурманск и далее – Норвегия – через Борисоглебск в Киркенес...

В Зеленогорске они подъехали к супермаркету. Сергей устремился в винный отдел, прошёлся вдоль полок с дорожными бутылками.

– Что лучше... – спросил он Ивана, – сливовица или финская водка на рябине?

– Можно чего-нибудь попроще – «Столичную», например.

– Есть замысел, – таинственно сказал Сергей.

– Тогда рябина. А себе я возьму кагор «Крымский».

– «Кагор монастырский» – усмехнулся Сергей. – Ты что, монах?..

– Монах, монах... В разрисованных штанах... – отшутился Иван.

Двинулись дальше.

... – Сертолово, – прочитала дорожный указатель Динара. – Ура!.. Быстро приехали!..

– Проехали только полпути... Тут есть и Лемболово, и

Васкелово, и Парголово, и Кавголово...

– Юксилово, Каксилово, Кольмилово, Нелилово... – Сергей со смехом стал демонстрировать своё знание финского счёта: – Юкси-как-си-кольми-нели...

И снова по его команде они отправились в супермаркет:

– Тургенева!.. Что нужно для бурятского плова?..

– Лучше всего – конина. Она диетическая...

Но конины, естественно, не было. Взяли баранину и всё, что полагается – лук, чеснок, рис, морковь, лаврушку...

– Всё это есть и у Кирсти... – как бы между прочим сообщил Сергей.

– Кирсти? – переспросила Динара.

– Карельское имя...

Кто такая Кирсти – он до поры до времени держал в секрете.

– Кирсти, – предположила эрудированная фольклористка: – «Христова ученица»? Или невеста?.. Это по-каковски?..

– Кирсти?.. Очень даже ничего! – с чувством сказал Сергей. – В прошлом году я ремонтировал у неё на кухне холодильник.

– На кухне?? – бурятка сделала большие глаза. – Она, что ли, повар?.. Холодильник?

– Я ведь учился в «Морозильнике»...

...Хорошая дорога долго шла лесом – то весёлым березовым, то торжественным сосновым, то угрюмым еловым. Мелькали дачки садовых скромных товариществ, высокие заборы богатейских коттеджей, мосты через речки, горки, болотинки, тони, озёрца...

Проехали и мост Кивиниеми, переброшенный через пороги бурной Вуоксы, стремительно несущей свои воды к Ладоге.

Белые ночи (а они в здешних местах ещё более «белые», чем в Петербурге) подходили к концу. Впереди был День Ивана Купалы – подлинный тысячелетний праздник этих земель. Летнее солнцестояние продиктовано не людской волей или указами царей земных, а Космосом, всевечным мирозданием, Богом, если хотите...

... – Сортавала, – Динара, наконец, радостно прочитала долгожданный дорожный знак рядом с эмблемой города.

– А почему не «Сердоболь»? – задал сам себе вопрос Иван Крылов. – Столетиями этот город был Сердоболем...

Проблемы топонимики, мучившие его с середины нынешней ночи, не отпускали.

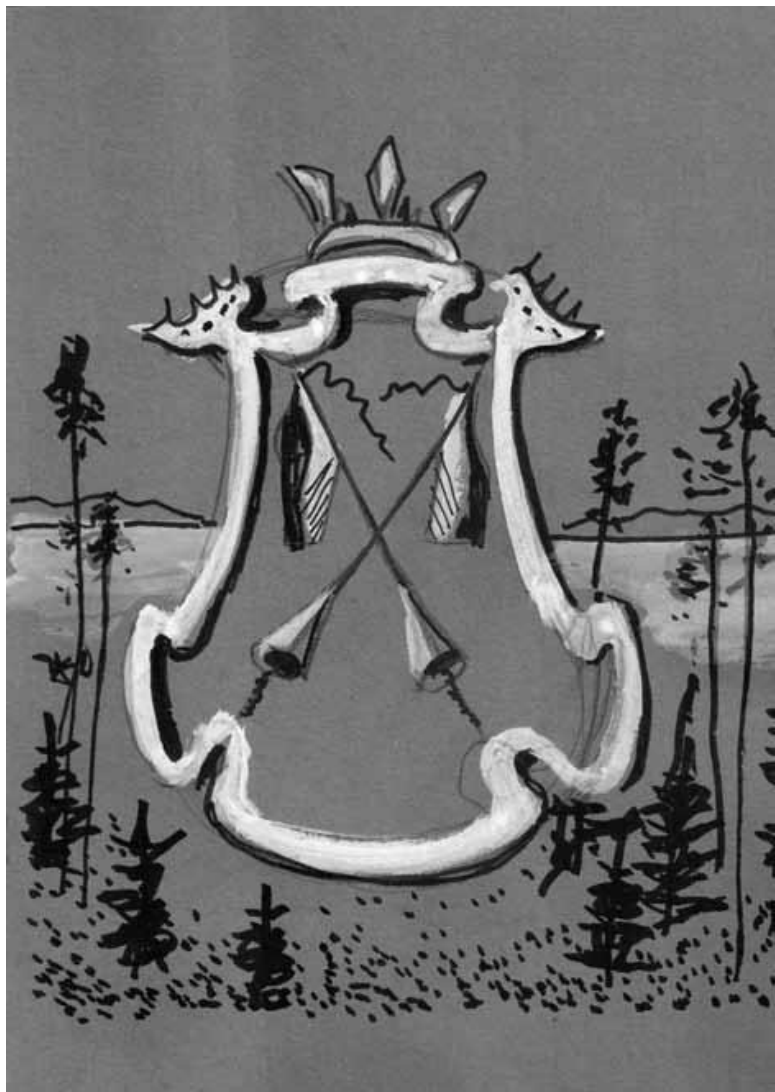
Когда возник на Ладоге Валаамский скит, монахам, всему духовенству понадобилась эта пристань на большом берегу – её называли Сердоболь.

– Сердобольное место, – задумчиво сказал Иван, замедлив скорость и озираясь по сторонам. – Вот как оно тут... Вот оно какое!

Погода испортилась. Стал накрапывать дождь...

– А почему тогда – «Сортавала»? – пожал плечами Серёжа.

– Какая разница! – вступила Динара. – Мы, буряты, считаем всех вас одним народом – глазки голубенькие, волосики русые, пеньковые, головки шариком, носики-курносики, росточком не выше среднего-пехотного...

Герб города Сортавала

– Как белорусы... – вставил Сергей.

– Нет... Белорусы – всё равно что поляки.

– Тогда кто же украинцы?

– Окраинцы?.. Это или венгры, или турки – черноволосые, пучеглазые – карие, лица долгоносые... – Подумав, Динара добавила: – И ногти на руках тёмные... И брови сросшиеся... Красавцы!

– Красиво... – мечтательно сказал белобрысый композитор. – Брови как ласточкины крылья!

– Бледнолицые русско-удмуртские и финско-поморские дамы с тех древнейших времён и по сию пору румянят щёки, рисуют чёрные брови, чтобы походить на южных красавиц – турчанок, гречанок, кавказских женщин, – фольклористка-«гейша» не скрывала иронии.

– Вот вы, буряты, как, оказывается, о нас думаете! – усмехнулся в усы «шеvron» зодчий Иван. – Седой, хочешь я тебе нарисую на лбу крылья не ласточки, а орла?

Динара Тургенова, живя на берегу волшебного «славного моря, священного Байкала», с детских лет ощущала себя частью огромного мира, которым когда-то, действительно, владел «царь Вселенной» непобедимый Чингисхан. Это её конёк! – имейте в виду... Она увлеклась судьбой народов, которых перемешал в едином котле внук Чингисхана – хан Батый.

И об этом мы ещё не раз вспомним...

* * *

«КИА» медленно ехала по улицам Сортавалы. Моросил дождик. Известно, что дождь при отъезде – добрый знак, а вот дождь по приезду что сулит странникам?..

Откройте поисковик в Интернете и вы всё узнаете об этом загадочном городе – Сортавале. Конечно, кроме той истории, которая вся впереди.

* * *

Беда случилась с местным Домом творчества Союза композиторов России, известным как «Дача Маннергейма».

В этой земле, столетиями переходившей из рук в руки то шведам, то финнам, то русским, и где можно найти, поко-

павшись, и каменные топоры, и мечи, и пушечные ядра, и пулемётные ленты, все приличные каменные дома называются почему-то «дачами Маннергейма». В год нашей победы в 1945-м в эту «дачу» по решению правительства вселились многочисленные советские композиторы.

Герб на щите хана Батыя

Что же случилось с этим домом ещё через семьдесят лет и зачем Серёже Форозину понадобился сейчас архитектор-строитель, энциклопедист и философ Иван Крылов, замученный ночными кошмарами о топонимике?

Неспроста!

Всю дорогу композитор-модернист вводил экипаж Литературного клуба «Зелёный „КИА“» в суть дела.

Позавчера ему позвонила молоденькая повариха «Дачи», или Дома композиторов Кирсти – карелка из Кондопоги.

В прошлом году Серёжа трудился здесь, сочинял свою очередную «какофонию», и их тёплые отношения начались на кухне, возле сломанного холодильника, с калиток – маленьких пирожков из ржаной или полбяной муки с рисом или с картошкой, или с морковкой. Кирсти Анукова (или попросту – Кира) была мастерица по части жареных калиток-кошелёчков (древнее русское слово «калита» – кошель).

На самом деле Кирсти тоже была музыкантшей. Ей 28 лет. Родилась в карельской семье Ануковых, родители – учителя. На русский манер их фамилия – Андреевы, ибо имя Андрей по-карельски звучит как «Анёкка»...

В Кондопоге есть прекрасный Дворец культуры. В этом дворце есть отличный орган – подарок от существовавшей когда-то Германской Демократической Республики. Но во всей Карелии не было ни одного местного органиста.

Семья Андреевых решила закрыть эту проблему. Девочка была отправлена во Дворец культуры, чтобы сесть за органный клавирауру. Однако этот рыженький ребёнок был так мал, щедеушен и хрупок, что педагоги Ануковы передумали, дали в руки своей девочке малую скрипку и отправили в музыкальную школу, чтобы хоть со скрипкой дочка стала, так сказать, местным интеллигентом.

После школы Кирсти узнала о сортавальской «Даче композиторов»... Решила окунуться в музыкальный мир огромной страны и отправилась на берег Ладоги.

...Вакантной была только должность повара, и Кирсти встала у плиты. Действительно, она по сию пору лично знает почти всех музыкантов России. Раньше в большинстве здесь были композиторы, теперь – кто победнее – музыковеды, дирижёры, «лабухи», рэперы и эстрадные солисты. И они её знают. Особенно её калитки.

Так и стоит, кормилица, не со скрипкой, а с поварёшкой в руке уже семь лет, вплоть до вчерашнего дня...

... – Серёжа! – кричала вчера в старомодную телефонную трубку Кирсти. – Срочно приезжай, тащи сюда людей. Наш Петрович вышел из ума!

– «Сошёл» с чего?.. Или вышел – куда? – острил молодой человек.

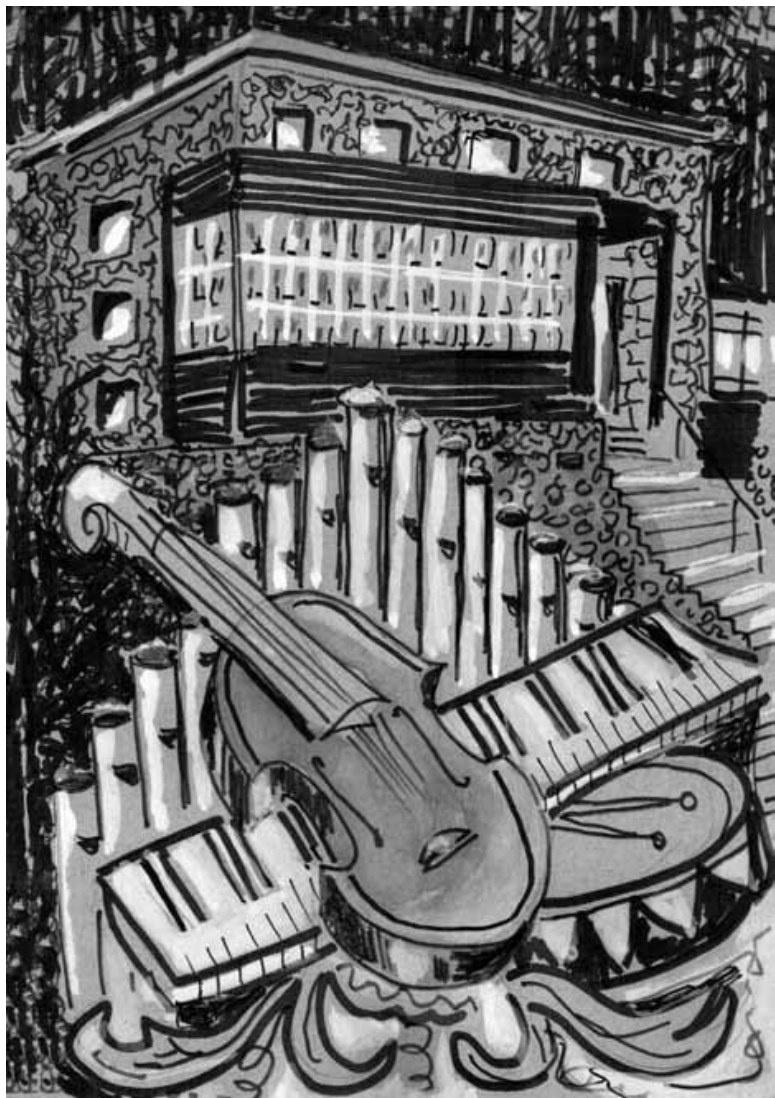
– Чтобы да, так нет... Пьёт!

* * *

Что произошло в Сортавале, им предстояло выяснить, так как Кирсти в волнении и панике ничего толком не смогла объяснить. Было понятно только, что «Дачу» собираются ликвидировать или даже сносить.

«Модерновое» по тем довоенным временам здание «Дачи Маннергейма» – стоит вне черты города, севернее, стараясь не соревноваться с архитектурой великого финского зодчего Сааринена, дома которого есть на всём карело-финском пространстве.

Конструкция дома так мудрёна, что по сию пору в нём есть уголки и зоны на гранитном основании Балтийского щита, возможно, таящие какие-то строительные секреты. А если уж кто-то решил развалить это сооружение, то, чтобы остановить это намерение, нужен был компетентный специалист-строитель, т. е. Иван Алексеевич Крылов.

«Дача Маннергейма»

Других кандидатур под рукой у Сергея не было. Плюс наличие транспортного средства – зелёного «КИА» тоже кое-что значило...

Они подъехали к дому, сложенному из гранитных глыб, светлых кирпичей и чёрных, словно копчёных, брёвен. Дом асимметричен, имеет веранды, выступы на двух жилых этажах. Посетителям виден лишь фасад. Обратная сторона здания с хозяйственными пристройками утопает в зелёных зарослях сирени и шиповника, переходящих в парк, а далее – густой сосновый лес.

...Их встретила румяная, рыженькая улыбчивая девушка в спортивном трикотаже, с фигурой пловчихи на средние дистанции. Это и была Кирсти Анукова.

Познакомились. Дождь кончился.

Глянув на окружающую природу, Динара сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.